

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ:

ЛИЧНОСТЬ, ЭПОХА,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

К 800-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ИНДРИК
МОСКВА 2021

УДК 94(47).032
ББК 63.3(2)43
А 46

При финансовой поддержке Фонда «История Отечества»

Утверждено к печати Учеными советами
Института российской истории РАН,
Института археологии РАН

Ответственные редакторы:
Е. А. Конявская, Л. А. Беляев

Редколлегия:

П. Г. Гайдуков, А. А. Горский, В. А. Кучкин, Н. А. Макаров, Ю. А. Петров

Рецензенты:

В. Н. Захаров, П. В. Лукин, Вл. В. Седов

Александр Невский: личность, эпоха, историческая память.
К 800-летию со дня рождения. Материалы международной
научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия) /
Институт российской истории РАН, Институт археологии РАН.
М.: Индрик, 2021. — 526 с.; ил.

ISBN 978-5-91674-659-4

В сборнике представлены статьи, созданные на основе докладов, сделанных на международной научной конференции «Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения». Работы посвящены личности и деятельности Александра Ярославича, оценке интерпретаций его роли в российской истории современниками и потомками. Они демонстрируют плодотворность междисциплинарного подхода в изучении этих феноменов – в соединении исследований археологов и историков, филологов и искусствоведов. Книга предназначена историкам, археологам, искусствоведам, культурологам, изучающим российские древности.

© Институт российской истории РАН, 2021
© Институт археологии РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «Индрик», оформление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	13
П. Г. Гайдуков. Вислые свинцовые печати Александра Ярославича Невского	15
А. А. Горский. Долгосрочные последствия деятельности Александра Невского	22
Е. А. Конявская. Образ Александра Невского в Житии и ранних летописях	31
А. В. Сиренов. Гробница Александра Невского и традиция почитания владимирских князей в XVII в.	42
Л. А. Беляев, О. М. Иоаннисян, П. Л. Зыков. Саркофаги XII–XIII вв. в монастыре Рождества Богородицы во Владимире: топография и стратиграфия	55
І. Александр Невский: личность, деятельность, эпоха	
О. Ф. Кудрявцев. Александр Невский и католический Запад	79
А. В. Мартынюк. Александр Невский и Восток: истоки «молчания века»	88
А. В. Майоров. Между Никеей, Лионом и Каракорумом: ориентиры внешней политики Александра Невского	99
Г. Ленхофф. Договор Александра Невского с немецкими купцами (1259–1263) и интересы монгольских завоевателей Руси	111
А. И. Филлюшкин. Св. София и Александр Невский: к вопросу о происхождении идеи «где София, там и Новгород»	120
А. В. Лаушкин. Об одной неточности новгородского летописца в статье 6751 г.	130
С. В. Городилин. Двоюродные братья и двоюродные племянники: отношения Александра Ярославича с ростовскими князьями и их предыстория	138
В. Н. Рудаков. Между Киевом и Владимиром: великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя	154
С. В. Богданов. Тверские закладники времени Александра Невского	167
В. А. Воронин. Литовские князья на русской службе в XIII в.	178
С. Н. Темушев. Женитьба Александра Ярославича и внешняя политика Владимиро-Суздальского княжества по отношению к западнорусским землям в 30–40-е гг. XIII в.	187

<i>Р. Хаутала.</i> Ездил ли Александр Невский в Монголию? Несколько замечаний о поездках Александра Невского и его отца к монгольским правителям	199
<i>Ю. В. Селезнев.</i> Деятельность князя Александра Невского в контексте русско-литовских конфликтов XIII столетия	208
<i>П. В. Кузенков.</i> Восточнохристианский мир в эпоху Александра Невского: время испытаний	217
<i>Г. С. Гадалова.</i> Александр Невский и Михаил Тверской	226
<i>С. Б. Чебаненко.</i> Послушество и свидетельство в Северо-Западной Руси в домонгольский период и в эпоху Александра Невского	239
<i>С. А. Маслова.</i> Налоговая политика монголов во времена Александра Невского	249
<i>Ф. Д. Подберезкин.</i> Может ли «схизматик» быть рыцарем? Статус русского воина в ливонских хрониках XIII в.	259
<i>О. И. Дзярнович.</i> Религиозный статус православных в прибалтийско-немецких хрониках XIII–XIV вв.	269
<i>К. В. Вершинин.</i> Неизвестные списки слов Серапiona Владимирского	279
<i>М. К. Юрасов.</i> Восточное направление внешней политики Белы IV после битвы под Ярославом (Ярославом)	287

II. Александр Невский:

история церковного почитания, историческая память

<i>М. Б. Свердлов.</i> Александр Невский в летописных сводах XIII – первой половины XVI в.: от реальности к символу и мифу	297
<i>В. В. Долгов.</i> Историческая оценка деятельности Александра Невского как повествовательная конструкция и аналитический прием	305
<i>П. С. Стефанович.</i> «Полк» Александра в Невской битве по Житию Александра Невского	315
<i>Ch. J. Halperin.</i> Alexander Nevskii and the Suzdalian Land	331
<i>Д. А. Ляпин.</i> Мотив нарушения границ в «Житии благоверного и великого князя Александра»	340
<i>М. Гардзанти.</i> Александр Невский в «Сказании о Мамаевом побоище»	346
<i>Д. Ю. Кривцов.</i> Образ Александра Невского в Степенной книге	359
<i>А. Е. Тарасов.</i> Александр Невский и церемонии встреч в миниатюрах Лицевого летописного свода	367

<i>А. А. Романова.</i> Заметки о почитании «новых чудотворцев» в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XVI в.	377
<i>А. В. Духанина.</i> Рукописная и старопечатная традиции Проложной редакции Жития Александра Невского	386
<i>Г. А. Емельяненко.</i> Особенности повествования об Александре Невском в исторических памятниках Российского государства 1617–1652 гг.	406
<i>Л. П. Тарасенко.</i> Иконография благоверного князя Александра Невского по памятникам иконописи и прорисьям XVII–XVIII вв. из собрания Исторического музея	416
<i>Л. Б. Сукина.</i> Образ Александра Невского в визуальных конструкциях «родословия» царской власти в России второй половины XVII – начала XVIII в.	428
<i>Р. А. Соколов.</i> Заметки о перенесении мощей Александра Невского в 1723–1724 гг.	439
<i>Я. Э. Зеленина.</i> Образ святого Александра Невского в княжеской иконографии XVIII – начала XX в.: между сакральным и историческим	448
<i>И. Чекова.</i> Святой Александр Невский в болгарской христианской живописи	466
<i>О. В. Калугина.</i> Образ Александра Невского в русской монументальной пластике	480
<i>М. В. Шкаровский.</i> Историческая память об Александре Невском на Северо-Западе России в XX в.	493
<i>Д. Пицкова.</i> Александр Невский — национальный герой, святой или предатель?	500

CONTENT

Preface	13
<i>P. G. Gaydukov.</i> Pendent Lead Seals of Alexander Yaroslavich Nevsky	15
<i>A. A. Gorskiy.</i> Long Term Consequences of the Activities of Alexander Nevsky	22
<i>E. L. Konyavskaya.</i> Image of Alexander Nevsky in the Life and in the Early Chronicles	31
<i>A. V. Sirenov.</i> Tomb of Alexander Nevsky and Worship of Vladimir's Princes in the 17 th Century.....	42
<i>L. A. Belyaev, O. M. Ioannisyman, P. L. Zikov.</i> Sarcophagi of the 12 th – 13 th Centuries in the Monastery of the Nativity of the Virgin in Vladimir: Topography and Stratigraphy	55
 I. Alexander Nevsky: Personality, Activities, Epoch 	
<i>O. F. Kudryavtsev.</i> Alexander Nevsky and the Catholic West	79
<i>A. V. Martyniuk.</i> Alexander Nevsky and the Orient: Origins of the “Silence of the Sources”	88
<i>A. V. Maiorov.</i> Between Nicaea, Lyon and Karakorum: The Foreign Policy Guidelines of Alexander Nevsky	99
<i>G. Lenhoff.</i> Alexander Nevsky's Treaty with the German Merchants (1259–1263) and the Interests of Russia's Mongol Lords	111
<i>A. I. Filyushkin.</i> St. Sofia and Alexander Nevsky: About the Origin of the Idea “Where Sofia is, There is Novgorod”	120
<i>A. V. Laushkin.</i> About one Inaccuracy of the Novgorod Chronicler in the Article of 6751	130
<i>S. V. Gorodilin.</i> Cousins and Cousins' Children: Alexander Yaroslavich's Relationships with the Rostov Princes and Their Background	138
<i>V. N. Rudakov.</i> Between Kiev and Vladimir: Grand Prince Yaroslav Vsevolodovich during the Batu Khan Invasion of Russia	154
<i>S. V. Bogdanov.</i> Tver Mortgagers (Zakladniki) of the Time of Alexander Nevsky's Reign	167
<i>V. A. Varonin.</i> Lithuanian Princes in the Russian Service in the 13 th Century	178
<i>S. N. Tsemushau.</i> Marriage of Alexander Yaroslavich and Foreign Policy of the Vladimir-Suzdal Principality in relation to Western Rus Lands in the 30s – 40s of the 13 th Century	187

<i>R. Hautala.</i> Did Alexander Nevsky Go to Mongolia? Some Remarks on the Travels of Alexander Nevsky and His Father to Mongol Rulers	199
<i>Yu. V. Seleznev.</i> Activities of Prince Alexander Nevsky in the Context of the Russian-Lithuanian Conflicts of the 13 th Century.....	208
<i>P. V. Kuzenkov.</i> Eastern Christian World in the Era of Alexander Nevsky: Time of Trials.....	217
<i>G. S. Gadaloova.</i> Alexander Nevsky and Michael Tversky	226
<i>S. B. Chebanenko.</i> Witnessing and Compurgatorship in North-Western Rus in the Pre-Mongolian Period and in the Reign of Alexander Nevsky.....	239
<i>S. A. Maslova.</i> Tax Policy of the Mongols during the Reign of Alexander Nevsky	249
<i>Ph. D. Podberezkin.</i> Could the “Shismatic” Become a Knight? Status of the Russian Warrior in the Livonian Chronicles of the 13 th Century	259
<i>A. I. Dziarnovich.</i> Religious Status of the Orthodox in the Baltic-German Chronicles of the 13 th – 14 th Centuries.....	269
<i>K. V. Vershinin.</i> Unknown Copies of Sermons by Serapion of Vladimir	279
<i>M. K. Yurasov.</i> Eastern Direction of Bela IV's Foreign Policy after the Battle of Yaroslavl	287
 II. Alexander Nevsky: The History of Church Veneration, Historical Memory 	
<i>M. B. Sverdlov.</i> Alexander Nevsky in Chronicles of the 13 th to the First Half of the 16 th Century: From Reality to Symbols and Myths	297
<i>V. V. Dolgov.</i> “Historical Significance” of the Activities of Alexander Nevsky as a Narrative Construction and Analytical Method.....	305
<i>P. S. Stefanovich.</i> “Regiment” of Alexander in the Battle of the Neva according to the Life of Alexander Nevsky	315
<i>Ch. J. Halperin.</i> Alexander Nevskii and the Suzdalian Land	331
<i>D. A. Lyapin.</i> Motive for Violating the Borders in The Life of the Blessed and Grand Duke Alexander	340
<i>M. Garzaniti.</i> Alexander Nevsky in the Legend of the Bloody Battle of Mamai	346
<i>D. Yu. Krivtsov.</i> Image of Alexander Nevsky in the Book of Royal Degrees	359
<i>A. E. Tarasov.</i> Alexander Nevsky and Solemn Meeting Ceremonies in the Miniatures of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible.....	367

A. A. Romanova. Some Words on Devotion of “New Miracle Workers” in Kirillo-Belozersky Monastery in the Latter Half of the 16 th Century....	377
A. V. Dukhanina. Handwritten and Printed Traditions of the Prologue Reduction of the Life of Alexander Nevsky	386
ГГ. А. Emelianenko. Specifics of the Narration about Alexander Nevsky in Russian Historical Literature of 1617–1652	406
L. P. Tarasenko. Iconography of the Blessed Prince Alexander Nevsky in Monuments of Icon Painting and Icon Designs of the 17 th – 18 th Centuries from the State Historical Museum Collection	416
L. B. Sukina. Alexander Nevsky’s Image in Visual Constructions of the “Genealogy” of Tsarist Power in Russia in the Second Half of the 17 th – Early 18 th Centuries	428
R. A. Sokolov. Notes on the Transfer of the Relics of Alexander Nevsky in 1723–1724	439
Y. E. Zelenina. Image of St. Alexander Nevsky in the Princely Iconography of the 18 th – Early 20 th Centuries: Between Sacral and Historical Significance	448
I. Chekova. Saint Alexander Nevsky in Bulgarian Christian Painting	466
O. V. Kalugina. Image of Alexander Nevsky in the Russian Monumental Plastic	480
M. V. Shkarovsky. Historical Memory of Alexander Nevsky in the North-West of Russia in the 20 th Century.....	493
D. Picková. Alexander Nevsky – National Hero, Saint or Traitor?	500

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 1–4.
- АДД – автореферат докторской диссертации
- АКД – автореферат кандидатской диссертации
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.
- АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1 (подгот. Л. В. Черепнин). М., 1951; Ч. 2 (подгот. А. А. Зимин). М., 1956
- БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова (под ред. С. Н. Валка). М.; Л., 1949
- ГИМ – Государственный Исторический музей
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ИРИ – Институт российской истории
- МГУ – Московский государственный университет
- НАН – Национальная академия наук
- НИС – Новгородский исторический сборник
- НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- ПСРА – Полное собрание русских летописей
- ПЭ – Православная энциклопедия
- РАН – Российская Академия наук
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГБ – Российская государственная библиотека
- РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.; Пг.; Л., 1872–1927. Т. 1–39.
- РНБ – Российская национальная библиотека
- СККДР – Словарь книжности и книжников Древней Руси
- ТОДРА – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Л.; СПб.

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180).

ПСРА. М., 2000. Т. 3.

ПСРА. СПб., 1851. Т. 5.

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

Хрусталева Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009.

About The Historical Thinking Project. URL: <https://historicalthinking.ca/about-historical-thinking-project> (date of access: 20.05.2021).

Egea-Vivancos A., Arias-Ferrer L. What is Historically Significant? Historical Thinking through the Narratives of College Students // *Educação e Pesquisa*, 44. October 26, 2017. P. 1–16.

Historical Significance. URL: <https://historicalthinking.ca/historical-significance> (date of access: 20.05.2021).

Philips R. Historical Significance – the Forgotten ‘Key Element’? // *Teaching History*. 2002. No. 106. P. 14–19.

Seixas P. Students’ Understanding of Historical Significance // *Theory & Research in Social Education*. 1994. Vol. 22. Issue 3. P. 281–304.

Vadim V. Dolgov

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

“HISTORICAL SIGNIFICANCE” OF THE ACTIVITIES OF ALEXANDER NEVSKY AS A NARRATIVE CONSTRUCTION AND ANALYTICAL METHOD

The article examines the development of historical assessments of the activities of Alexander Nevsky. The author identifies several periods of this process. The first period is the era of Old Rus. The basic ideas about the historical significance of the activities of Alexander Nevsky was laid at that time. The second period is the 18th – 19th centuries. That time was the time of formation and development of the Russian historical science. Scientists of that time worked within the framework of the construction of the chronicles of Old Rus. In the 20th century, various socio-cultural and political factors (the film by S. Eisenstein, the Great Patriotic War, Perestroika, etc.) had an impact on the assessment of the historical significance of the Prince’s activities. At first, this led to an increase in the positive assessment of the activities of Prince Alexander Nevsky, and then to a sharp reappraisal of him in a negative way. Modern studies of the activities of Alexander Nevsky seek to resolve the problem of forming scientific assessments free from the influence of political conjuncture.

Keywords: historical significance, Alexander Nevsky, Old Rus

П. С. Стефанович

НИУ ВШЭ; ИРИ РАН, Москва, Россия

«ПОЛК» АЛЕКСАНДРА В НЕВСКОЙ БИТВЕ ПО ЖИТИЮ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Автор статьи анализирует список шести героев Невской битвы, помещенный в Житие Александра Невского. Он заключает, что список построен иерархически и отражает как состав русского войска в битве, так и социальные группы в княжеском окружении. Важное место в статье занимает полемика с «дружинной» концепцией А. А. Горского.

Ключевые слова: Александр Невский, Житие Александра Невского, военная история, социальная история, элита

Житие, или Повесть о житии, Александра Невского (далее – Житие) – важнейший источник сведений не только о личности князя и его деяниях, но и по политической и социально-политической истории Руси середины XIII в. Эти сведения сравнительно надежны, так как Житие было написано вскоре (через год-два) после смерти князя (1263 г.) его современником и близким ему человеком, вероятно, во Владимире или даже точнее – во владимирском Рождественском монастыре¹. В то же время, разумеется, надо учитывать своеобразные литературные черты этого памятника и тенденциозность автора в прославлении своего героя, опирающуюся на определенные идеологические послы.

В данном случае анализируется описание людей, отметившихся героическими подвигами в Невской битве 15 июля 1240 г. Этот рассказ Жития о «шести храбрых» – довольно известный эпизод, который часто пересказывается в исторических трудах, посвященных Александру и его эпохе. Но некоторые детали рассказа и весь он в целом заслуживают комментариев, которые до сих пор в научной литературе не предлагались в виде отдельного исследования. Кроме того, эти комментарии, как представляется, помогут разрешить разногласия, которые существуют сегодня между историками, предлагающими разные модели социального строя Древней Руси и, прежде всего, по-разному интерпретирующими место и роль элиты древнерусского общества. На сегодняшний день в научной литературе фигурируют две основные интерпретации такого рода. Одна восходит к концепциям, предложенным еще в XIX в., и ее в настоящее время наиболее последовательно

¹ См.: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. Вып. 1. С. 36–39.*

отстаивает А. А. Горский². Другая модель представлена в моих работах 2012 и 2013 гг.³

Ключевым в модели А. А. Горского является понятие дружины, широко употреблявшееся в древнерусских летописях для обозначения лиц, сопровождавших и окружавших князя. Он видит в этих лицах «организацию военно-служилой знати» или «корпорацию» «служилых людей» (так в работе 1989 г.⁴), «институт», «организацию служилых людей» или «организацию социальной элиты» (так в недавней работе⁵). При такой трактовке древнерусское слово *дружина* понимается как *terminus technicus* именно для обозначения княжеских служилых людей, а самим историком используется затем как соответствующее научное понятие.

Вообще, А. А. Горский исходит из строгой корреляции между терминологией и отражаемой ею реальностью. Такой подход ведет его к двум принципиальным тезисам. Во-первых, встречая в источниках конца XI – конца XII в. выражения «старшая дружина» и «младшая дружина», историк понимает их тоже как точные термины и считает, соответственно, «корпорацию»/«организацию» дружины двусоставной и иерархичной. В «старшую дружину» входили, по его мнению, бояре, в «младшую» – отроки и (позднее) детские. Во-вторых, фиксируя в источниках XIII в. более редкое употребление слова *дружина*, А. А. Горский заключает, что с начала XIII в. и сама «организация служилых людей князя» трансформируется в некую другую, обозначавшуюся словом *двор*⁶.

На мой взгляд, представлять лиц, каким-то образом служивших князю или оказывавших ему некие услуги, *корпорацией* – это анахронизм для домонгольского периода. Тем самым просто переносятся реалии Московского государства XVI–XVII вв., где сложился особый класс служилых людей, обязанных службой государю и называвших себя его «холопами», на древнюю эпоху, когда жестких обязательных норм службы не существовало ни в теории, ни на практике (в среде свободных людей). Исходя из общеевропейских моделей, предложенных в медиевистике, я прибегаю не к древнерусскому слову *дружина* (семантически широкому и расплывчатому, а значит, малопригодному в качестве социологического термина), а к современному термину *элита*. Это дает возможность выстроить соци-

альную иерархию Древней Руси, ориентируясь не на критерий службы, а на критерии, которые действительно определяли статус человека в эпоху раннего Средневековья, – доступ к власти (в смысле господства публично-правового характера), капитал, престиж. В этом случае две основные группы/категории элиты выделяются на протяжении всего Средневековья (и даже, *mutatis mutandis*, вплоть до падения сословного строя в России уже к началу XX в.): высшая знать и низшая (мелкая). К этим двум могли примыкать другие социальные группы – прежде всего, торгово-финансовые и церковные, и все вместе они составляли элиту. О какой-то *организации* этих довольно разнородных групп говорить затруднительно.

Для высшей знати как закрепилось одно обозначение *боярин/бояре* к началу XI в., так оно и сохранялось до эпохи Нового времени (что показывает стабильность и значимость этой социальной категории). Группы лиц, не имевшие поддержки в родовой аристократии, были неустойчивы, меняли функции и конфигурацию в зависимости от исторических условий и нужд центральной власти, которую они обслуживали и от которой зависели, и для их обозначения мы видим целый kaleidoscope названий от X–XI до XVI–XVII вв. Смена названий *дружина* и *двор* не была одномоментной, и долгое время – фактически с середины XII в. (когда фиксируется значение слова *двор* как окружение князя и появляется термин *дворянин*) до конца XV в. (когда слово *дружина* становится скорее литературным) – эти слова употреблялись параллельно, нередко синонимически. Семантическая спецификация второго названия была обусловлена трансформацией (происходившей долго и сложно как раз с XII до XIV–XV вв.) не элиты как таковой, а политического строя – от общего совладения Рюриковичей над Русской землей (с возможностью перемещения князей со стола на стол) к удельно-патримониальному порядку (где владетельные князья были привязаны к своему наследственному уделу). В условиях московского самодержавия закрепился уже настоящий *terminus technicus* – «государев двор», обозначавший собственно класс/корпорацию служилых людей.

Предлагаемый ниже анализ данных Жития покажет, в какую из концепций они лучше вписываются, и тем самым позволит верифицировать соответствующие модели – «дружинную» и «элитную». Прежде чем приступить к этому анализу, надо добавить еще некоторые пояснения, имея в виду, прежде всего, что речь идет о битве с участием князя, прибывшего в Новгород на договорных условиях. Во-первых, к середине XIII в. в Новгороде уже давно сложилась своя знать (боярство), и она составляла основную политическую и военную силу республики. Приглашенные князья приезжали в Новгород со своими людьми, и этих людей называли в Новгороде, по крайней мере, уже с середины XII в. «двором»⁷. Во-вто-

² См., прежде всего: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989; *Он же*. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. М., 2019. С. 21–29, 127–138.

³ Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012; *Он же*. Элита Древнерусского государства (конец X – первая половина XIII в.) // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 39–49.

⁴ Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 82–83, 86.

⁵ Горский А. А. Русское средневековое общество... С. 136–138.

⁶ Ср.: Там же. С. 106.

⁷ Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104–123.

рых, данные Жития следует оценивать с учетом сообщения о Невской битве в Новгородской первой летописи (далее – НПЛ). Это сообщение в целом соответствует рассказу Жития, но кое в чем его дополняет или корректирует. В частности, в данном случае важны указания летописца, что на битву Александр пошел «с новгородци и с ладожаны» и что со стороны новгородцев и ладожан погибло 20 «мужей» (причем указаны 4 имени павших)⁸.

Противостояние шведов и руси в целом подано автором Жития не в сухом фактологическом, а в приподнято-эмоциональном стиле с очевидной идейно-религиозной тенденцией. Он понимает это противостояние не как этническое или государственное, а как столкновение лично правителей, причем правота одного из них обосновывается с религиозной точки зрения. Шведы ни разу не названы шведами, а русь – русью. Зато выделяются фигуры предводителей: во главе первых – «король части Римьскыя от полунощныя страны», во главе вторых – «святой князь Александр, сын Ярославль, а внук Всеволож». В описании Невской битвы автор несколько раз называет противников руси «римлянами», подчеркивая их принадлежность Римской церкви. Целью похода «короля» на Неву выставляется желание «пленить» «землю Александрову», в которую зачисляется, очевидно, и Новгород⁹.

Важный элемент рассказа – всяческое выделение и подчеркивание божественной помощи Александру. Начало борьбы ознаменовано молитвой князя в Софийском соборе и знаменитой речью («не в силах Бог, но в правде»). Затем вводится важный эпизод о помощи Бориса и Глеба. Заканчивается рассказ о битве утверждением о помощи ангела Господня «при побѣдѣ Александровѣ». Вмешательство потусторонних сил представляется автором Жития постоянным и естественным. Такие факты, как, например, тот, что на Неву никакой «король» не приходил, автор просто игнорирует и конструирует свой миф.

Несмотря на эту общую парадигму, в которой работал автор Жития, само военное столкновение описано реалистически, и больше всего достоверности нарративу придает именно рассказ о подвигах «великолепной шестерки». Если даже подбор героев и описание подвигов в той или иной мере были приукрашены или стилизованы, в социальной терми-

нологии и вообще отражении именно социальных реалий не следует ожидать тенденциозности или «литературщины».

В общих определениях войско шведов характеризуется такими словами и выражениями: «силу велику», «корабля многы полков своих», «в силѣ тяжцѣ», «сила ратных», «среди полку ихъ» или «на полкъ». О войске Александра говорится так: «(князь) нача крѣпити дружину свою», «поиде в малѣ дружинѣ, не съждався съ многою силою своею» (это перед битвой), «ис полку его», «полци Олександрови», «полку Олександрову» (во время битвы).

Все эти определения имеют военный смысл, о войске говорится именно как о группе военных. В этом контексте «дружина» выступает синонимом «полка». «Дружина своя» или «в мале дружине» – эти выражения имеют в виду не каких-то особых приближенных князя, а просто тех, кто оказался в тот момент рядом с князем и был готов выйти в поход, – как новгородцев, так и тех, кто пришел с ним из Владимирской земли.

Рассмотрим теперь сам рассказ о «шести храбрых». Текст рассказа передаю в упрощенном виде с выделением смысловых фрагментов¹⁰:

«Здѣ же явишася 6 мужь храбрых с самѣм с ним ис полку его.

Единѣ именованъ Гаврило Олексичъ. Се наѣха на шнеку, видѣвъ королевича, мча подѣ руку, и възѣха по досцѣ и до самогу коробля, по неи же хожяху с королевичем, иже текоша передѣ ним, а самого, емше, свергоша и с конем в воду з доскы, и Божьею милостью неврежень бысть. И паки наѣха, и бися с самѣм воеводою среди полку ихъ.

2 – именованъ Сбыславъ Якуновичъ новгородецъ. Се наѣха многожды на полкъ ихъ и бѣяшеться единѣм топоромъ, не имѣя страха въ души своеи. И паде нѣколько от руку его, и подивишася силѣ и храбрѣству его.

3-и – Яковъ, родомъ полочанинѣ, ловчии бѣ у князя. Се наѣха на полкъ с мечемъ, и похвали его князь.

4 – новгородецъ именованъ Мѣша. Се пѣшь натече на корабли и погуби 3 корабли з дружиною своею.

5-и – от молодыхъ его именованъ Сава. Се възѣха в шатеръ великии королевѣв золотехъ и подѣсѣче столпъ шатерныи. Полци Олександрови, видѣвши шатра паденье, възрадовашася.

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 77. Имена погибших никак не коррелируют со списком героев в Житии.

⁹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 162. Здесь и далее текст приводится по списку Псковской летописи, который Ю. К. Бегунов считал основным для выделяемого им «I вида первой редакции» Жития (наиболее близкого к оригиналу) (см.: Там же. С. 16–19, 186). Однако важно учитывать также список Лаврентьевской летописи 1377 г. как древнейший (тоже принадлежащий к «первой редакции», по Ю. К. Бегунову, но другого вида). Как увидим ниже, это особенно важно именно для фрагмента с описанием шести героев.

¹⁰ Текст передается по Лаврентьевской летописи: ПСРА. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 479–480. В псковской рукописи, основной для «I вида первой редакции» Жития, весь эпизод с шестью героями Невской битвы пропущен. Ю. К. Бегунов восполняет этот пропуск по некоей рукописи XVII в. того же «I вида первой редакции» (описание рукописи: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 209). Однако поскольку этот эпизод есть в древнейшем списке в Лаврентьевской летописи, на мой взгляд, именно к ней было бы предпочтительно обращение в случае с этим отрывком Жития. Между Лаврентьевской рукописью и той, которую взял Ю. К. Бегунов, есть некоторые разночтения, и на них ниже обращается внимание.

б-и – от слугъ его именем Ратмѣръ. Се бися пѣшь, и оступиша и мнози. Он же от многих ранъ паде и тако скончася.

Си же вся слышах от господина своего великого князя Олександра и от инѣхъ, иже в то время обрѣтошася в тои сѣчи».

О Гавриле Алексиче, фигурирующем первым в списке, ничего не известно из источников XIII в. Однако позднейшие родословия некоторых московских боярских родов упоминают его как отца тверского боярина Акинфа Великого, который в конце XIII в. боролся против Москвы, но потомки которого закрепились на службе московских князей. В некоторых родословных легендах XVI в. Гаврила Алексич происхождения связывается с Новгородом, и С. Б. Веселовскому и В. Л. Янину эта связь казалась вероятной¹¹. Но С. Б. Веселовский эту мысль высказывал чисто гипотетически *ad marginem*, а те (весьма натянутые) доводы, которые приводил В. Л. Янин, легко опровергаются¹². Никаких надежных данных в пользу новгородского происхождения Гаврилы нет, и вероятной остается лишь его связь с Акинфом, фиксируемая в синодиках 1530-х гг.¹³

Помещение подвига Гаврилы Алексича на первое место и само описание подвига – особенно упоминание коня под ним и указание на то, что он бился непосредственно со шведским «воеводою», – говорят о том, что этот человек был высокого социального статуса и был хорошо известен автору Жития и его аудитории. Очевидно, Гаврило Алексич был боярином, который пришел с князем Александром в Новгород (из Переяславля или Владимира), с князем же оттуда ушел, а его потомки остались потом во Владимирском великом княжестве.

В отличие от Гаврилы в Житии специально отмечено происхождение второго героя – «новгородца» Сбыслава Якуновича. Это выдает взгляд автора, писавшего во Владимире и смотревшего на события в Новгородской земле извне. Геройство Сбыслава состояло, прежде всего, в том, что он бился «единѣм топоромъ». Видимо, автор, отмечая это обстоятельство как выдающееся, исходил из того, что Сбыслав *мог бы* использовать и другое (более изощренное) оружие. Выбирать оружие мог богатый человек. Вкупе с указанием отчества Сбыслава это говорит в пользу его высокого (боярского) статуса. В НПЛ дважды упоминается Сбыслав

Якунович (sic!) – под 6737 (1229) г. среди новгородской знати в окружении князя Михаила Черниговского и в списке посадников¹⁴. По хронологии смены посадников исполнение должности Сбыславом Якуновичем надо относить к периоду между 1243 и 1255 гг.¹⁵ Ничто не противоречит отождествлению Сбыслава Якуновича, упомянутого в Житии, со Сбыславом Якуновичем, посадничавшим в Новгороде.

Третьим в списке указан снова человек, чуждый Новгороду и оказавшийся там с князем. Яков, ловчий Александра, отличился в бою, сражаясь мечом – оружием, которым обладали только знатные и богатые люди. Владимирец снова указывает происхождение героя – полочанин. Вероятно, появление боярина из Полоцка в окружении Александра надо связывать с браком князя – в 1239 г., то есть за год до Невской битвы, он женился на дочери полоцкого князя Брючислава¹⁶. Из других источников о Якове ничего не известно.

Четвертый герой Миша¹⁷ – новгородец, как и Сбыслав. Он сражался «с дружиною своею», то есть во главе некоего отдельного отряда, причем они «погубили» три корабля шведов. Вне зависимости от того, что именно понимать под этой «дружиной» (к этому вопросу я еще вернусь), Мишу надо считать человеком выдающегося статуса – очевидно, новгородским боярином. В этом сходятся как будто все исследователи, анализировавшие житийный список героев. Разногласия возникли в другом: можно ли отождествить этого Мишу с кем-то из тех людей, кто упомянут в НПЛ в сообщениях о событиях середины XIII в. под именами *Миша* и *Михаил*.

В летописи имя *Миша* упоминается всего несколько раз: под 6736 (1228), 6740 (1232) и 6765 (1257) гг., причем последний раз сказано о его убийстве¹⁸. Согласно стратификации новгородского владычного летописания, предложенной А. А. Гиппиусом, все эти статьи приходятся на ту часть летописи, которая вышла из-под пера пономаря Тимофея, работавшего в период, когда кафедру занимали архиепископы Спиридон и Далмат (1226–1274 гг.)¹⁹. Маловероятно, что один летописец называл одним уменьшительным именем *Миша* разных людей. Ведь он упоминал еще несколько людей под именем *Михаил*, различая их по отчествам, про-

¹¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 196; Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце. (О новгородском источнике Жития Александра Невского) // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 250–251.

¹² Хрусталева Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1. С. 233–235. Правда, сам Д. Г. Хрусталева предполагает в Гавриле ладожанина (Там же. С. 237). Справедливо критикуя чужие догадки, автор зачем-то добавляет свои, еще меньше обоснованные.

¹³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 45–46.

¹⁴ НПЛ. С. 68, 164, 472.

¹⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 227 и по указателю имен.

¹⁶ НПЛ. С. 77.

¹⁷ Передача звука «и» ятем, как в Лаврентьевской летописи («Мѣша»), объяснима, поскольку тогда ять мог передавать звук, близкий «и» (вероятно, дифтонг). Ср. как передается имя Ратмир – «Ратмѣръ».

¹⁸ НПЛ. С. 66, 71–72, 82.

¹⁹ Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись и ее авторы XII–XIV вв. (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 214–215.

звизам или другим уменьшительным именам («Михаль», «Михалко»). К тому же именно с именем *Миша*, ставшим патронимическим, в историю вошел боярский клан Мишиничей-Онцифоровичей, представители которого упоминаются и в летописи, и в берестяных грамотах, происходящих из раскопок в Неревском конце. Все это склоняет к тому, чтобы видеть в летописном и в житийном Мише одного человека – новгородского боярина, участвовавшего в политической жизни Новгорода в 1220–1250-х гг., основателя неревского боярского рода²⁰.

Против такого отождествления высказывались некоторые исследователи, предлагая разные комбинации в соотношении имени *Миша* и тех или иных персонажей летописи или других текстов. Некоторые из их доводов опирались на сведения родословных легенд XVI в. (возводивших к Мише, герою Невской битвы, не неревское боярство, а прусское), и эти доводы выглядят самыми слабыми, прежде всего в силу крайней сомнительности и ненадежности самих легенд²¹. Еще один аргумент сводится к тому, что Миша, упомянутый в статье 1228 г. как посол князя Ярослава Всеволодича (тогда княжившего в Новгороде), не может быть тождествен Мише, упомянутому в статье 1232 г. среди противников этого князя, а значит, надо различать двух Миш (причем каждого из них можно уже отождествлять с разными летописными Михаилами)²². Не углубляясь сейчас в анализ бурных событий, происходивших в Новгороде в эти годы, замечу только, что перемена лояльности по отношению к тем или иным приглашенным в Новгород князьям была нередким делом среди новгородского боярства и политическая позиция отдельных бояр определялась, прежде всего, внутренними «раскладами», а не ориентацией на князей, постоянно менявшихся в городе²³. Так что этот аргумент имеет только относительное значение. На мой взгляд, все-таки наиболее естественной и предпочтительной является версия об одном Мише.

²⁰ См.: Арциховский А. В. К истории Новгорода // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 110; Молчанов А. А. Боярин Миша – предок новгородских феодалов Мишиничей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 103–105.

²¹ См. обзор мнений о Мише и критику разных построений: Хрусталев Д. Г. Северные крестоносцы... С. 234–237.

²² Мусин А. Е. К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2002. Вып. 16. С. 82–92. Ср. также: Гиппиус А. А. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 21–23.

²³ Ср. выше о Сбыславе Якун(к)овиче: в 1229 г. он выступает в окружении князя Михаила Всеволодича черниговского, а в 1240 г. оказывается уже в войске под командованием Александра Ярославича.

О пятом герое в Лаврентьевской летописи сказано так: «от молодых его именем Сава». Формально подходя к тексту, можно было бы думать, что «его» относится к Мише, четвертому герою, и тогда Савву надо было бы причислить к людям новгородского боярина. Но, оценивая контекст в целом, надо признать, что под «его» должен был иметься в виду главный герой и битвы, и всего повествования – князь Александр. Другое дело, что в некоторых списках Жития, в том числе тех, которые, по Ю. К. Бегунову, отразили редакцию, наиболее близкую оригиналу («I вида первая редакция»), в этой характеристике Саввы вообще опущено слово «его» и сказано так: «от молодых людий именем Сава»²⁴. Такая версия текста подразумевает, что Савва мог и не состоять непосредственно в окружении князя, а просто относился к некоей категории «молодых людей». Исходя из текстологической схемы Ю. К. Бегунова, следовало бы предпочесть вариант «от молодых людий», но надо учитывать, что списки с этим вариантом датируются только XVII в. (как говорилось выше, в древнейшем псковском списке этой редакции весь рассказ о шести храбрецах опущен).

На мой взгляд, в пользу скорее варианта Лаврентьевской летописи свидетельствует не только древность списка, но опять-таки контекст перечисления героев. О всех героях автор Жития говорит из владимирской перспективы, выделяя двух местных «новгородцев», а остальных как бы по умолчанию относя к тем, кто пришел непосредственно с князем из Владимирской земли. В этой перспективе пятого и шестого героев, о происхождении которых эксплицитно не сказано, надо относить именно к княжеским («владимирским») людям. О шестом герое так и сказано: «от слугъ его именем Ратмѣръ», причем все списки «Первой редакции» дают эту характеристику именно с «его». Характеристика Саввы, сформулированная по тому же образцу, должна была иметь и то же определение: «от молодых *его*».

Таким образом, среди собственно княжеских людей, сражавшихся на Неве, помимо бояр (Гаврилы Алексича и Якова), были еще «молодые» (Савва) и «слуги» (Ратмир). Статус последних был низким. Это следует не только из порядка перечисления героев, но и из описания подвигов Саввы и Ратмира. О Савве сказано, что он «въеха» в шатер шведских военачальников, то есть он сражался на коне, а это свидетельствует о его относительном достатке или близости к князю (если он получил коня от князя). Между тем Ратмир сражался пешим. И он – единственный среди перечисленных героев – погиб. Тех, кто располагал конем и разным оружием, а то и «дружиной своей» (как Миша), было труднее убить в сражении, чем тех, кто сражался в пехоте и мог легко быть отре-

²⁴ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 167.

зан от своих (как Ратмир, которого «оступиша мнози»), – очевидно, эти люди были и беднее, и проще.

Выводы.

Если говорить о терминологии, надо отметить использование слова *дружина*, важнейшего в «дружинной модели» социального строя Древней Руси. С одной стороны, в Житии это слово обозначает вообще все войско, которое пошло в поход с Александром из Новгорода. Никакого социального смысла оно не имеет и фактически выступает синонимом слова *полк*. С другой стороны, в одном месте оно характеризует значительно более узкий круг лиц – тех, кто сражался под началом новгородского боярина Миши.

В книге 2012 г. я подробно обосновал тезис, что бояре в домонгольской Руси располагали своими собственными военными слугами (как и в позднейшее время, когда этих слуг называли послужильцами; в их роли выступали и боевые холопы). В XI–XII вв. обычно эти слуги назывались отроками, но есть несколько примеров, когда их отряды обозначаются словом «дружина». В ряд этих примеров я зачислил и соответствующее место Жития, считая, что «своя дружина» Миши – это его собственные люди. Недавно А. А. Горский, который настаивает, что дружиной могла называться только «организация служилых людей» во главе с князем, попытался дезавуировать все примеры, подобранные мной²⁵. Меня эта попытка совсем не убеждает²⁶, но именно в случае с Мишей из Жития надо признать, что трактовка А. А. Горского имеет право на существование. Историк считает, что «слово “дружина” здесь обозначает не личных слуг Миши, а употребляется в том значении, в котором оно сохраняется в “ордынскую” эпоху – “военный отряд”, в данном случае подразделение войска, находившееся под командованием Миши»²⁷.

Действительно, слово *дружина* могло означать и войско в целом, и один отряд, причем даже внутри одного произведения или контекста (но совсем не только в «ордынскую эпоху», а на протяжении всего Средневековья). Много примеров такого рода из источников XI–XII вв. (часто с метонимией, очень характерной для употребления этого слова) приведены в моей книге, и они как раз подтверждают тезис о расплывчатости (нетерминологичности) слова. Можно было бы допустить, что и в Житии мы имеем дело с такой ситуацией: дружиной обозначено и все войско

Александра, и отряд Миши как «подразделение» войска. Однако такой интерпретации противоречат другие соображения.

С одной стороны, автор Жития перечислял героев, имея в виду их индивидуальные подвиги (один напал на воеводу, другой рубился топором и т. п.). В этом контексте достижения, указанные под «именем» Миши, должны оцениваться именно как его личные – а в таком контексте естественно упомянуть его «дружину» как людей, преданных и обязанных ему лично («вскормленных» им), но не как «подразделение», которым он лишь командовал. С другой стороны, само представление о Невской битве как регулярном сражении с централизованным командованием, в котором могут быть какие-то «подразделения войска», совершенно неадекватно для древнерусских реалий XIII в. и вообще эпохи Средневековья. Военные действия совершались тогда не по единому плану и по воле некоего главнокомандующего, а складывались из действий отдельных отрядов («полков»), сформированных по принципам личной преданности и землячества. В данном случае это очевидно: разнородность «полков Олександровых» подчеркнута и Житием, и летописью, которые в один голос сообщают, что Александр вышел в поход с новгородцами (и ладожанами, по летописи) как некоей отдельной единицей или общностью. У новгородского боярина, конечно, должны были быть свои военные слуги. Содержание таких слуг было обычным делом не только вообще для знатных людей на Руси, но особенно как раз для новгородских бояр той эпохи. Достаточно указать хотя бы на один пример: под 6763 (1255) г. НПЛ рассказывает о противостоянии посадника Онания с боярином Михалком Степаничем, упоминая, что у Михалка был «свой полк»²⁸. Контекст не позволяет сомневаться, что этот «полк» составляли именно личные («свои») слуги боярина и он не был «подразделением» некоего общеновгородского войска или чего-то подобного²⁹. Эти соображения склоняют все-таки к признанию, что «своя дружина» Миши – это были его собственные военные слуги.

В целом, даже вне зависимости от того, как трактовать упоминание «своей дружины» Миши, употребление слова *дружина* в Житии не соответствует представлению об «организации» или «институте» княжеских людей. Впрочем, А. А. Горский оговаривается, что данные Жития вообще иррелевантны этому представлению, поскольку «действие Жития происходит в более позднюю эпоху, когда дружину в качестве организации служилых людей князя сменил княжий “двор”»³⁰. Можно было бы упрекнуть историка в том, что в своих работах он нигде и никак не объясняет, чем

²⁵ Горский А. А. Русское средневековое общество... С. 136–137.

²⁶ Заново разбирать все примеры здесь неуместно (да и вообще, по-моему, нет необходимости – стороннему наблюдателю и так все должно быть ясно).

²⁷ Горский А. А. Русское средневековое общество... С. 137.

²⁸ НПЛ. С. 81–82, 308–309.

²⁹ Некоторые исследователи, кстати, именно с этим Михалком отождествляют Мишу из Жития.

³⁰ Горский А. А. Русское средневековое общество... С. 137.

собственно по сути (а не по терминам) различались «организации» дружины и двора и почему смену этих «организаций» надо относить точно к началу XIII в. Но здесь можно даже не углубляться в эти общие вопросы, а ограничиться простыми наблюдениями над данными источника. Оставаясь в рамках анализа Жития и имея в виду оговорку А. А. Горского, обращаю внимание на один факт: в Житии отсутствует слово *двор*. Хотя автор Жития сравнительно пространно рассказывает не только о военных и политических деяниях князя, но и о людях, которые его окружали и поддерживали, странным образом он ни разу не прибегает к этому – столь важному для «дружинно-дворовой» теории А. А. Горского – обозначению «организации служилых людей князя». О дружине говорится, хотя по теории не должно, а двора нет, хотя он должен быть... Очевидно, на материалах этого произведения теория дает сбой.

Возвращаясь к самим реалиям, описанным в Житии, в заключение надо подчеркнуть иерархичность и структурированность списка, которые отражают разграничительные линии в среде людей, собравшихся под рукой Александра на Неве. Четыре первых места в списке шести героев занимают бояре. Можно предположить, что внимание автора просто больше привлекали представители аристократии, но можно думать, что люди, выдающиеся в социальном плане, были более заметны и на поле боя – и вооружением, и выучкой, и поддерживавшими их слугами. Среди самих подвигов, описанных в Житии, в чисто военном плане более важны и впечатляющи именно деяния бояр (Савва и Ратмир и не нанесли противнику урона как такового; их действия носили скорее символический характер). В ту эпоху значение знати было решающим в военном отношении.

Характерно также, что из четырех указанных бояр двое, то есть половина, были новгородцами. Из Жития не видно, чтобы автор имел какие-то особые симпатии или антипатии по отношению к Новгороду. Скорее всего, упоминание двух новгородских бояр говорит просто об объективно большом значении новгородцев в «полках Александровых». В науке существует мнение, что «победа над шведами была достигнута преимущественно силами дружины самого князя Александра»³¹. Это мнение (вообще основанное лишь на догадках) данные Жития не подтверждают: даже из владимирской перспективы автора нельзя было не упомянуть новгородских бояр. Скорее против мнения свидетельствуют и показания новгородского летописца, который говорит о 20 погибших новгородских «мужах». Если учитывать, что под «мужами» имелись в виду люди заметные и состоятельные (а о «черных людях» обычно и не упоминалось³²), потери надо оценивать как существенные (в соответствии с масштабом

битвы, разумеется) – а раз такие потери, значит, и участие новгородцев в битве было значительным.

Из двух упомянутых бояр Александра один был пришлый – из Полоцка. Это – свидетельство того, что аристократия вокруг князей складывалась из разных элементов: были «свои», «местные» (Гаврила Олексич), а были «пришлые» (такие, как Яков). Это было естественным следствием политического порядка, принятого на Руси, когда князья не сидели на одном «столе», а переходили из одной земли и волости в другую и заключали разного рода союзы с другими князьями, что влекло и перемещение служилых людей.

Группу «молодых», которую представлял Савва, надо понимать, на мой взгляд, в первую очередь именно как возрастную (по прямому смыслу слова). Ранее, критикуя мысль о «младшей дружине» как о некоей институционализированной части «организации служилых людей князя», я выдвинул тезис, что и под выражением «младшая дружина» (встречающимся, кстати, всего дважды в древнерусских источниках), и под «молодыми», «молодь», «молодцами» и т. п. обозначениями скрывались действительно молодые люди, только начинавшие свою карьеру при княжеском дворе и, вероятно, хуже экипированные и не располагавшие зависимыми людьми³³. Социальное происхождение этих людей, вероятно, могло быть разным, не исключено, что кто-то представлял и аристократические рода (особенно размножившиеся или обедневшие). Не случайно, что все эти обозначения встречаются в военном контексте – по-видимому, в условиях мирного времени играло большую роль именно происхождение людей, и тогда они «распределялись» по придворно-родовой иерархии, а в военной обстановке эти «молодые» проявляли себя как отдельная группа.

Более устойчивой в социальном плане была группа «слуг», представленная Ратмиром. В эпоху Александра Невского так стали называть незнатных служилых людей, для которых ранее (в XI–XII вв.) использовались разные обозначения: гриди, отроки, милостники, детские и проч. В XIII–XV вв. различали слуг «вольных» и «невольных», а устойчивой формулой для обозначения важнейших лиц на службе князя стало выражение «бояре и вольные слуги» (как в межкняжеских договорах Северо-Восточной Руси середины XIV – начала XVI в.) – и в этом выражении можно видеть характеристику высшей и низшей знати.

В целом, список героев Невской битвы адекватно отражает не только состав русского войска (прежде всего, его двусоставность – людей князя, пришедших с ним из «низовской» Руси, и новгородцев), но и состав

³¹ Кучкин В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 25.

³² Ср., например, сообщение о погибших в битве при Раковоре: НПА. С. 87.

³³ Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 245–246. Ср. аналогию «молодым» и «слугам» Жития в выражении Галла Анонима «pueros et juvenes», которое разбирается в книге отдельно: Там же. С. 275.

окружения князя. Это окружение можно было назвать «дружиной» (словом из лексики Жития) или «двором» (как говорили в Новгороде о людях князя³⁴), но, как выясняется, важнее (и для современников, и для историков сегодня) являются не эти общие обозначения, а указания на отдельные социальные группы и характеристика облика и действий конкретных людей, представлявших эти группы.

Последовательный анализ этого списка не подтверждает «дружинную» модель А. А. Горского, который критикует меня за некие (мнимые) упущения терминологического характера, оставляя в стороне саму суть исторической проблемы: какой была структура верхушки (элиты) древнерусского общества и каковы были механизмы отношений разнородных социальных групп в ее составе между собой и с князем. И в книге 2012 г., и в других публикациях я не отказываю исследователям в праве использовать любые термины, в том числе и *дружина*. Проблема, прежде всего, не в том, как называть социальную реальность, а в том, как понимать ее (и в локальном, конкретном историческом контексте, и в широком). Данные Жития показывают, что, даже если оставить терминологические вопросы (хотя и они решаются явно не в пользу концепции А. А. Горского), «дружинная» модель не работает в ее центральном звене: никакой «корпорации» или «организации» «служилых людей» в источнике не видно. Люди только под непосредственной властью Александра (не считая новгородцев) представляются в социальном отношении весьма разнородными по статусу и происхождению: боярин владимирского происхождения и боярин «пришлый» из Полоцка, молодежь, выделяющаяся в военном отношении, и низшая знать. Совокупность этих людей нельзя назвать корпорацией, а о какой-то организации можно говорить лишь в военных предприятиях, но и тогда войско-«дружина» оказывается крайне разнородным. В то же время эти люди близки друг другу по тем самым критериям, которые были выделены в начале, – приобщенность к власти, материальный достаток, престиж. Не случайно, что к ним было приковано внимание и автора Жития; прославляя их, он по-своему тоже структурировал социальную реальность, выделяя в ней нечто лучшее, избранное, выдающееся – элитное.

³⁴ В частности, к этому слову прибегает и летописец Тимофей, когда сообщает об уходе Александра из Новгорода зимой 1240–1241 гг. вскоре после Невской битвы: «выиде князь Олександръ из Новагорода... со всемъ дворомъ своимъ» (НПА. С. 78).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А. В. К истории Новгорода // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 108–131.
- Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись и ее авторы XII–XIV вв. (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 114–251.
- Гиппиус А. А. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 18–30.
- Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.
- Горский А. А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. М., 2019.
- Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. Вып. 1. С. 15–69.
- Кучкин В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33.
- Молчанов А. А. Боярин Миша – предок новгородских феодалов Мишиничей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 103–105.
- Мусин А. Е. К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2002. Вып. 16. С. 82–92.
- Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104–123.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. ПСРА. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2.
- Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012.
- Стефанович П. С. Элита Древнерусского государства (конец X – первая половина XIII в.) // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 39–49.
- Хрусталева Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003.

Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце (О новгородском источнике Жития Александра Невского) // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 245–253.

Petr S. Stefanovich

National Research University Higher School of Economics;
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

“REGIMENT” OF ALEXANDER IN THE BATTLE OF THE NEVA ACCORDING TO THE LIFE OF ALEXANDER NEVSKY

The author of the article analyses the list of six heroes of the battle of the Neva presented in the Life of Alexander Nevsky. He concludes that the list is hierarchically structured and reflects both a composition of the Russian troops in the battle and social groups at the prince's court. A polemic with the “druzhina” theory by Anton A. Gosky is an important part of the article.

Keywords: Alexander Nevsky, Life of Alexander Nevsky, military history, social history, elite

Ch. J. Halperin
Bloomington, Indiana, USA

ALEXANDER NEVSKII AND THE SUZDALIAN LAND

The author refers to the concept of the “Suzdalian Land”, for which Alexander Nevskii was called a “sun” by Metropolitan Kirill according to the “Life”. Comparing the text of the “Life” with the chronicle data, he comes to the conclusion that this concept rarely went beyond the toponym and was not mythically saturated. In the middle of the 15th century the “Suzdalian” Land was replaced in the “Life” by the “Russian” one (in the *Sofia First Chronicle*), which later became useful when designing the “pantheon” of the predecessors of grand princes of Moscow.

Keywords: the Life of Alexander Nevskii, the Suzdalian Land, grand princes of Moscow

I wish to thank Donald Ostrowski for consultation.

According to Iu. K. Begunov's Reconstruction of the First Redaction of the “Life” of Alexander Nevskii, at Nevskii's funeral Metropolitan Kirill declared that “the sun has set in the Suzdalian Land”. In addition, when Nevskii's brother Andrei aroused Batu's ire, Batu sent Nevruï to attack the Suzdalian Land¹. In the text's Second Redaction, in the *Sofia First Chronicle*, this sentence reads that the sun had set in the Rus' Land². This paper will examine what the “Suzdalian Land” meant in medieval and early modern texts.

Begunov assumed that he knew the meaning of “Suzdalian Land”. Because the text was written in the Rozhdestvenskii Monastery in Vladimir in the 1280s, the Primary Redaction associates Alexander with the Suzdalian Land. The “Life” portrays Nevskii as a Vladimirian and Suzdalian prince³. Begunov contrasts Nevskii's more modest status to that of his father Grand Prince Iaroslav who was the “intercessor” (*zastupnik*) of the Rus' Land. He conceptualizes the “Suzdalian Land” as an expression of local identity. Except for D. Ostrowski, the other scholars cited below accept Begunov's dating

¹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. Р. 192 (Nevruï), 194 (Kirill). I follow the translation in *Ostrowski D. The Galician-Volynian Chronicle, the Life of Alexander Nevskii and the Thirteenth-Century Military Tale // Palaeoslavica. 2007. Vol. 15. № 2. P. 323. on the ubiquity of the setting sun symbolism see Ibid. P. 323 and Isoaho M. The Image of Alexander Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006. P. 126–127. Cf. Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180). Ч. 2. Р. 12, 13, 14.*

² ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. Р. 191.

³ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». Р. 57.